

**ПРИМЕНЕНИЕ РАЗЪЯСНЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ
В ПОСТАНОВЛЕНИИ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 22.11.2016 г. № 54
(в режиме дискуссии)**

Статья посвящена анализу идей, высказанных авторами настоящего сборника в попытке предугадать возможные направления развития практики применения разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации об обязательствах и их исполнении.

Ключевые слова: односторонний отказ от исполнения обязательства, исполнение обязательства третьим лицом, возврат внесенного в депозит имущества, применение валютной оговорки при возврате предоплаты или аванса

A. S. Raynikov

**IMPLEMENTATION OF THE EXPLANATIONS
AS REFLECTED IN THE RESOLUTION OF THE PLENUM
OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
#54 DATED 22.11.2016 (IN THE FORM OF DEBATE)**

The Article is devoted to the analysis of various ideas as expressed by authors of this digest in an attempt to foresee possible development of the court practice on performance of obligations as elucidated by the Plenum of Supreme Court.

Keywords: unilateral refusal from performance of obligations, performance of obligations by a third party, return of the assets deposited to the notary, incorporate of the currency control clause when refunding prepayment or advance payment.

Данная статья является откликом на работы коллег, размещенные в настоящем сборнике, и потому содержит не столько развернутые позиции по тем или иным вопросам, сколько дополнения к ним с попыткой автора подискутировать там, где мнения не совпадают.

В части одностороннего отказа от исполнения обязательства (одностороннего изменения его условий) К. С. Безик ставит под сомнение тезис о том, что новая редакция ст. 310 ГК РФ расширила возможности для установления права на односторонний отказ соглашением сторон, допустив такой отказ для непредпринимателя в договоре с предпринимателем (абз. 2 п. 2 ст. 310 ГК РФ). В обоснование данной позиции автор ссылается на принятые еще до внесения соответствующих поправок разъяснения, содержащиеся в абз. 4 п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», и на утративший в результате реформы силу п. 3 ст. 450 ГК РФ, разрешавший односторонний отказ от исполнения договора полностью или частично, когда такой отказ допускается законом или соглашением сторон. В результате К. С. Безик приходит к выводу о том, что новая редакция не только не расширила, но даже сузила закреплявшуюся ранее возможность заявления об одностороннем отказе от любого договорного обязательства независимо от состава его участников, если такой отказ был предусмотрен соглашением.

Относительно разъяснений, содержащихся в указанном Пленуме Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), необходимо признать, что они действительно задали новую тенденцию в толковании прежней редакции ст. 310 ГК РФ, но это толкование шло в фарватере уже принятого Государственной Думой в первом чтении законопроекта (правда, в нем предполагалось поместить соответствующую норму не в ст. 310 ГК РФ, а в п. 3 ст. 450 ГК РФ)¹. Аналогичным образом ВАС РФ предвещал и другие планируемые к принятию поправки, например, новую редакцию ст. 428 ГК РФ о договоре присоединения². Поэтому едва ли преследуемые поправками

¹ Положение п. 234 ст. 1 Проекта федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Так, в п. 2 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» указывалось на возможность заключения путем присоединения любого гражданско-правового договора вне зависимости от состава сторон договора и целей, преследуемых при его заключении, а также на допустимость применения правил о договоре присоединения к отдельным положениям договора, если сторона была вынуждена их принять. Подобное толкование не вполне соответствовало буквальному смыслу ст. 428 ГК РФ в прежней ее редакции, но коррелировало с поправками, предусмотренными названным законопроектом.

цели отличались от мотивов, которыми руководствовался ВАС РФ при толковании прежней редакции ст. 310 ГК РФ.

Что касается п. 3 ст. 450 ГК РФ в прежней ее редакции, то возможность применения данного пункта в ущерб ограничениям, содержащимся в ст. 310 ГК РФ, оценивалась критически. Ссылка на договор в данной статье давала понять, что закрепленная там норма рассчитана на применение именно в договорных отношениях [1, с. 96]. Судебная практика также не признавала за предписаниями п. 3 ст. 450 ГК РФ статуса специальных по отношению к положениям ст. 310 ГК РФ¹.

С учетом изложенного тезис о том, что новая редакция ст. 310 ГК РФ сократила возможности для установления права на односторонний отказ от обязательства соглашением сторон, вызывает определенные сомнения.

В то же время обобщенный К. С. Безиком опыт правового регулирования соответствующих отношений в странах континентального права наглядно демонстрирует наличие в развитых правовых системах общей установки на предоставление участникам гражданского оборота права на односторонний отказ от обязательства по соглашению между ними без ограничений по субъектному составу, что не воспринято российским правовым порядком. Подобное несоответствие и послужило поводом к постановке перед участниками круглого стола вопроса о том, какой должна быть правовая политика в данной сфере: необходимо ли рассматривать установление в договоре права на односторонний отказ от обязательства в качестве обычного инструмента его прекращения или же данное явление следует купировать как исключение из общего правила о недопустимости одностороннего отказа.

Из общения с разработчиками ГК РФ и авторами Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации² удалось выяснить, что в период подготовки части первой ГК РФ одностороннее расторжение договора рассматривалось как исключение, а генеральный подход сводился к необходимости урегулирования разногласий по расторжению договора в судебном порядке. Доминировал патерналистский подход в решении данной проблемы (государство в лице суда разберется и защитит). Но по мере развития гражданского

¹ Подробнее об этом см. [2, с. 241–248].

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009 г. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

оборота и приобретения опыта правовой регламентации рыночных отношений взгляды ученых и практиков эволюционировали. И уже во время прошедшей реформы ГК РФ серьезно обсуждался вопрос о том, чтобы закрепить в качестве общего правила внесудебный отказ от договора, ну или хотя бы сделать это для предпринимателей. Ведь такой подход не ограничивает право на судебную защиту в случае незаконного отказа. Если же отказ от договора является правомерным, то не согласный с ним участник договора, предвидя бесперспективность судебного разбирательства и возможность возложения на него в случае проигрыша понесенных другой стороной судебных расходов, может отказаться от обращения в суд, что не только оптимизирует процесс прекращения договорных отношений, но и разгрузит суды от лишних дел.

Все описанные выше факторы, включая международный опыт, цели вносимых поправок и сопровождавшие принятие этих поправок дискуссии, показывают, что в основании разъяснений, данных в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 54), лежит идея постепенного расширения возможности установления договором права на односторонний отказ от обязательства.

В связи с этим можно подискутировать с К.С. Безиком в том, что наличие указанной возможности для участников корпоративного договора (абз. 4 п. 10 постановления Пленума ВС РФ № 54) является лишь исключением из общего правила.

В абз. 4 п. 10 постановления Пленума ВС РФ № 54 Верховный Суд РФ обозначил проблему, которая уже давно назрела и выходит далеко за пределы обсуждаемого вопроса, а именно: какова сфера действия норм, в которых сказано, что они применяются к отношениям, связанным с осуществлением их участниками предпринимательской деятельности?

Обычно такое указание трактуется буквально: если деятельность участников правоотношения соответствует признакам предпринимательской (п. 1 ст. 2 ГК РФ), то эти нормы к ним применяются, если же не соответствует, то не применяются. С данной точки зрения, не являются предпринимательскими договоры об отчуждении акций, долей участия, пая в производственном кооперативе. Но

означает ли это, что участники таких договоров должны приравниваться к простым гражданам, а регламентация их отношений строиться на тех же началах, что, например, регулирование договора купли-продажи куля картошки, заключенного соседями по даче, или же буханки хлеба в магазине?

Ответ на данный вопрос, вероятно, должен быть отрицательным, ибо существует некая сфера деятельности, которая не является предпринимательской, но в то же время не связана и с удовлетворением бытовых потребностей. Причем по своему характеру эта деятельность предполагает наличие у осуществляющих её лиц определенных компетенций. Корпоративные отношения со всей очевидностью входят в эту сферу.

Наличие таких отношений ставит вопрос о возможности применения к ним, по меньшей мере, некоторых норм, которые рассчитаны на отношения, связанные с осуществлением их участниками предпринимательской деятельности.

Любопытно, что применительно к корпоративным отношениям законодатель начал развивать этот вопрос в рамках поправок в ГК РФ.

В качестве примера можно привести ст. 406.1 ГК РФ, которая закрепляет новый для отечественного правопорядка институт возмещения потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств (то, что на западе известно под термином «*indemnity*»). В силу п. 1 ст. 406.1 ГК РФ данным инструментом могут воспользоваться стороны обязательства, действующие при осуществлении ими предпринимательской деятельности. Но в п. 5 той же статьи содержится указание о возможности включения условия о возмещении потерь в корпоративный договор либо в договор об отчуждении акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества, стороной которого является физическое лицо.

Аналогичным образом строится регулирование отношений, возникающих в связи с предоставлением одним участником договора другому заверений об обстоятельствах, имеющих значение для заключения, исполнения или прекращения договора (ст. 431.2 ГК РФ). В п. 4 соответствующей статьи установлены повышенные требования к субъектам, которые дали недостоверные заверения при осуществлении предпринимательской деятельности. И такие же требования законодатель предъявляет к участникам корпоративного договора, а также договора об отчуждении акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества.

Как видно, содержащееся в абз. 4 п. 10 постановления Пленума ВС РФ № 54 указание на возможность предусмотреть право на односторонний отказ в корпоративном договоре является продолжением общего тренда, заданного законодателем, что остро ставит вопрос о необходимости распространения анализируемых разъяснений на иные договоры, заключаемые в сфере корпоративных отношений.

Стоит задуматься и над тем, чтобы экстраполировать указанный подход на обязательства с участием субъектов, не являющихся предпринимателями, но вступающими в договорные отношения, которые требуют особых компетенций. В проблематике круглого стола приведены примеры подобных договоров. К ним можно отнести, например, соглашение о партнерстве на определенный срок между иностранной юридической фирмой и российским адвокатом относительно оказания зарубежным клиентам правовой помощи на территории России или же соглашение о совместной деятельности по проведению спортивных соревнований, заключенное разными спортивными федерациями.

Применительно к таким договорам трудно обнаружить веские политико-правовые основания для ограничения автономии воли сторон на установление в договоре права на немотивированный односторонний отказ от исполнения обязательства (одностороннее изменение его условий). Возможные злоупотребления данным правом могут быть купированы с использованием обозначенных К. С. Безиком механизмов, включая признание такого отказа ничтожным с опорой на разъяснения, содержащиеся в п. 14 постановления Пленума ВС РФ № 54.

В том, что касается **возможности обусловить односторонний отказ от исполнения обязательства (одностороннее изменения его условий) одной стороной выплатой определенной денежной суммы в пользу другой стороны**, то К. А. Валайтис-Винобер верно подмечено несоответствие содержащихся в п. 16 постановления Пленума ВС РФ № 54 разъяснений буквальному смыслу п. 3 ст. 310 ГК РФ.

Согласно п. 3 ст. 310 ГК РФ право на односторонний отказ «может быть обусловлено» оплатой, что означает прекращение обязательства только после выплаты оговоренной денежной суммы. Однако Верховный Суд РФ истолковал это правило *contra legem*: «если иное не предусмотрено законом или договором, с момента осуществления

такого отказа (изменения условий обязательства) первоначальное обязательство прекращается или изменяется и возникает обязательство по выплате определенной денежной суммы».

Для выявления возможных причин такого толкования и его последствий для гражданского оборота стоит обратиться к истории данного вопроса.

Проблема того, что должно быть раньше: плата или односторонний отказ, – для отечественного правопорядка не нова. Раньше она возникала в отношении договоров подряда и возмездного оказания услуг. Применительно к каждому из них в ГК РФ есть нормы о праве заказчика отказаться от договора: в случае с подрядом при условии оплаты подрядчику вознаграждения за выполненную часть работы и компенсации убытков подрядчика в пределах суммы неоплаченного вознаграждения (ст. 717 ГК РФ), в случае с услугами при условии компенсации фактически понесенных исполнителем расходов (ст. 782 ГК РФ).

При обращении к практике Верховного Суда можно обнаружить, что она склоняется в пользу права заказчика отказаться от договора до компенсации контрагенту убытков, причиненных отказом¹.

В отношении порядка внесения платы за односторонний отказ от исполнения обязательства Верховный суд пошел тем же путем, посчитав, видимо, что применение п. 3 ст. 310 ГК РФ в соответствии с его буквальным смыслом приведет к нарушению баланса интересов контрагентов.

Подобные опасения имеют под собой основания. Так, при сохранении подхода, отраженного в п. 3 ст. 310 ГК РФ (сначала платишь, потом отказываешься), возникает вопрос о размере такой выплаты в контексте возможности ее снижения (абз. 2 п. 16 постановления Пленума ВС РФ № 54). Внесение завышенной суммы в качестве платы за односторонний отказ создает для участника обязательства риск в дальнейшем лишиться права на её частичный возврат, ведь в силу подп. 3 ст. 1103 ГК РФ излишне уплаченное за односторонний отказ – это ни что иное как неосновательное обогащение получившей оплату стороны. При таких обстоятельствах последующая ссылка плательщика на «несоответствие размера этой денежной суммы неблагоприятным последствиям, вызванным отказом от исполнения обязательства или

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04.03.2015 г. // СПС «Консультант-Плюс».

изменением его условий», может воспрепятствовать удовлетворению требования о частичном возврате уплаченного по причине осведомленности плательщика об отсутствии основания для внесения денежных средств в указанном размере (подп. 4 ст. 1109 ГК РФ).

Реальность описанного риска становится тем более очевидной, если обратить внимание на разъяснения, содержащиеся в п. 79 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Согласно ему, списание по требованию кредитора неустойки со счета должника, а равно зачет кредитором суммы неустойки при наличии оснований для ее снижения по ст. 333 ГК РФ предоставляет должнику право на предъявление кредитору требования о возврате излишне уплаченного в качестве неосновательного обогащения. Если же подлежащая уплате неустойка перечислена самим должником, то в силу подп. 4 ст. 1109 ГК РФ он не вправе требовать снижения суммы такой неустойки на основании ст. 333 ГК РФ, за исключением случаев, когда им будет доказано, что перечисление неустойки являлось недобровольным, в том числе ввиду злоупотребления кредитором своим доминирующим положением.

Таким образом, следование предусмотренному п. 3 ст. 310 ГК РФ правилу «сначала плати, потом отказывайся» может привести к имущественным потерям стороны, заявляющей об одностороннем отказе от исполнения обязательства и вынужденной производить оплату в качестве условия реализации права на такой отказ.

Вместе с тем, не лишено негативных последствий и установленное п. 16 постановления Пленума ВС РФ № 54 правило «сначала отказывайся, потом плати», ведь возможность одностороннего отказа от обязательства без оплаты позволяет должнику освободиться от необходимости исполнения обязательства и от дальнейшего начисления санкций за неисправность в нем. С момента отказа таковые будут начисляться лишь на несвоевременно внесенную сумму платы за односторонний отказ. Отсутствие же у заявляющей об одностороннем отказе стороны возможности «остановить счетчик» стимулировало бы ее к скорейшему внесению предусмотренной договором денежной суммы в качестве платы за отказ.

Ответ на вопрос о том, какой из обозначенных интересов (предотвращение возможных имущественных потерь заявляющей об отказе стороны в случае внесения платы за отказ в завышенном размере или

потерь стороны, претерпевающей негативные последствия отказа от обязательства без всякой компенсации) имеет для правопорядка более важное значение, не выглядит однозначным. Уже хотя бы поэтому стоит задуматься о целесообразности толкования п. 3 ст. 310 ГК РФ в противоречие с его буквальным смыслом, ибо практика толкования закона высшими судебными инстанциями приучила нас к его прочтению *contra legem* лишь при наличии к тому очевидных политико-правовых оснований.

Кроме того, в пользу сохранения закрепленного в п. 3 ст. 310 ГК РФ принципа «сначала плати, потом отказывайся» говорит распространение этой нормы лишь на обязательства, связанные с осуществлением их участниками предпринимательской деятельности. Профессиональный статус такого участника предполагает способность оценить адекватность определяемого в договоре размера платы за односторонний отказ от исполнения обязательства. Поэтому видится разумным возложить возможные риски, связанные с необходимостью предварительной оплаты явно завышенной суммы, на отказывающуюся от обязательства сторону, ведь никто не мешает ей предупредить эти риски на этапе согласования условий контракта.

Несовпадение изложенной позиции с мнением К. А. Валайтис-Винобер не отменяет важности замечания автора о диспозитивности п. 3 ст. 310 ГК РФ, позволяющей сторонам избрать для себя такую модель регулирования соответствующих отношений, которая отвечает их интересам. При использовании сторонами этой возможности острота дискуссии о том, какой порядок должен действовать по умолчанию, резко снижается.

Поставленный К. А. Валайтис-Винобер вопрос о правовой природе платы за односторонний отказ от исполнения обязательства действительно является ключевым при определении пределов ее возможного снижения судом.

Намек на природу такой оплаты можно обнаружить в абз. 2 п. 16 постановления Пленума ВС РФ № 54, где говорится о возможности снижения судом ее размера в случае несоответствия этой денежной суммы «неблагоприятным последствиям, вызванным отказом от исполнения обязательства или изменением его условий». Как видно, Верховный Суд РФ увязывает размер платы с возможными убытками стороны, получившей уведомление об одностороннем отказе. Подобное указание свидетельствует о выполнении платой компенсаторной

функции, что, скорее всего, исключает возможность рассмотрения ее в качестве цены права на односторонний отказ.

В этих условиях критерием соразмерности могут стать разумные ожидания участника обязательства, рассчитывающего на получение исполнения по такому обязательству в полном объеме. Иными словами, при реализации права на получение платы за односторонний отказ участник обязательства не должен претендовать на нечто большее в сравнении с тем, что он получил бы, не заяви его контрагент об одностороннем отказе.

Изложенный подход вполне соответствует формируемой Верховным Судом практике.

Так, применительно к снижению неустойки в связи с ее несоразмерностью последствиям нарушения обязательства Верховный Суд РФ со ссылкой на п. п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ указал, что при оценке такой соразмерности необходимо учитывать, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения, а также то, что неправомерное пользование чужими денежными средствами не должно быть более выгодным для должника, чем условия правомерного пользования (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»). Это означает, что при определении размера неустойки учитываются обычные условия гражданского оборота.

Таким образом, определение справедливого размера платы за односторонний отказ на основе критерия разумного ожидания стороны от исполнения обязательства в полном объеме видится наиболее сбалансированным решением проблемы возможного снижения размера этой платы. Отсутствие же в постановлении Пленума ВС РФ № 54 такого критерия, а равно любого иного критерия, дающего ориентиры при постановке вопроса о несоразмерности предусмотренной договором платы за отказ, делает решение этого вопроса трудно предсказуемым, что наглядно демонстрирует приводимая К. А. Валайтис-Винобер судебная практика.

Обозначенные А. Б. Любимым проблемы **исполнения обязательства третьим лицом по собственному побуждению** действительно носят острый характер. По мнению ряда авторов, закрепленная в результате внесенных поправок возможность несанкционированного

исполнения третьим лицом просроченного должником денежного обязательства (подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ) представляет собой форму «легализованной интервенции» в чужое обязательство с целью «перехвата» требования кредитора [1, с. 112; 5, с. 116].

Акцент на высоком риске злоупотребления соответствующим правом в делах о банкротстве вполне объясним, ибо это наиболее чувствительная для подобных манипуляций сфера, но предложение А. В. Любивога о необходимости дополнения законодательства о банкротстве нормами, регулирующим данный вопрос, видится излишним по следующим причинам.

Во-первых, такое регулирование в законодательстве о банкротстве уже имеется (ст. ст. 71.1, 85.1, 112.1, 113, 125, 129.1 федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), и Верховный Суд РФ указывает на то, что оно носит специальный по отношению к правилам п. 2 ст. 313 ГК РФ характер (абз. 4 п. 21 постановления Пленума ВС РФ № 54).

Во-вторых, судебная практика демонстрирует способность осуществлять тонкую настройку норм об исполнении денежного обязательства третьим лицом по собственному побуждению при рассмотрении отдельных дел, о чем свидетельствуют приводимые А. Б. Любивым примеры. Наряду с прецедентами обнаруживаются и разъяснения общего характера, к числу которых относится содержащееся в абз. 3 п. 21 постановления Пленума ВС РФ № 54 указание на недопустимость злоупотребления правом при исполнении обязательства третьим лицом в отсутствие акта возложения¹. Подобные разъяснения встречаются и в принимаемых Верховным Судом РФ обзорах практики, например, указывается на недопустимость исполнения третьим лицом обязательства перед отдельным кредитором в индивидуальном порядке (как это предусмотрено подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ) после введения в отношении должника первой процедуры банкротства².

Вместе с тем, необходимость рефлексивной реакции правопорядка на разнообразные правовые ситуации, грозящие злоупотреблением при исполнении денежного обязательства третьим лицом, могла

¹ Например, в случае гашения лишь основного долга должника с целью получения дополнительных голосов на собрании кредиторов и лишения другого кредитора права голосования при рассмотрении дела о банкротстве без несения при этом издержек на приобретение требований по финансовым санкциям.

² Пункт 28 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утв. Президиумом ВС РФ от 20.12.2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

бы существенно сократиться в случае ограничительного толкования Верховным судом нормы о возможности такого исполнения в отсутствие акта возложения.

Для этого было достаточно обратиться к тексту принятого Государственной Думой РФ в первом чтении законопроекта¹, который не предполагал возможность немотивированного исполнения третьим лицом просроченного денежного обязательства должника. Вместо этого предлагалось правило следующего содержания: «Если иное не предусмотрено законом, договором или не вытекает из существа отношений должника и третьего лица, третье лицо, имеющее законный интерес в исполнении должником денежного обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, может исполнить это обязательство кредитору без согласия должника» (п. 155 ст. 1 Проекта).

Заложенный в первоначальном законопроекте подход соответствовал сбалансированной концепции исполнения обязательства третьим лицом, известной многим развитым странам и нашедшей отражение в рекомендательных актах общеевропейского характера². В случае ее принятия на уровне разъяснений Верховного Суда РФ с распространением на любые (в том числе не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности) обязательства, кредиторы попавшего в просрочку должника, равно как и сам должник, оказались бы защищенными от недобросовестного вмешательства в их правовую сферу со стороны третьих лиц. Ведь в случае такого вмешательства в нарушение установленных ограничений принадлежавшее первоначальному кредитору требование не переходит к третьему лицу в порядке суброгации и лишает последнего каких-либо притязаний в отношении должника (п. 4 ст. 1109 ГК РФ) [4, с. 140–141].

Что касается лоббистских устремлений отдельных представителей деловых кругов, ратующих за упрощение порядка гашения третьим лицом просроченного денежного долга должника, то они вполне могли быть удовлетворены и без внесения столь неоднознач-

¹ О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Подробнее об этом см. [4, с. 136].

ных поправок в ст. 313 ГК РФ, так как прежняя редакция данной статьи допускала подобное исполнение при наличии к тому законного интереса¹.

Иллюстрацией сказанному служит спор о взыскании бывшим участником общества с ограниченной ответственностью действительной стоимости доли в уставном капитале юридического лица. Добившись положительного для себя судебного акта, бывший участник столкнулся с попыткой общества избавиться от необходимости выплаты через «контролируемое» банкротство. После обращения «дружественного» кредитора общества с заявлением о признании должника банкротом бывший участник, не дожидаясь рассмотрения судом обоснованности этого заявления и введения процедуры наблюдения, погасил задолженность общества перед данным кредитором и на основании п. 2 ст. 313 ГК РФ (в прежней редакции) и обратился в рассматривающий заявление суд с ходатайством о процессуальном правопреемстве. Удовлетворяя заявленное ходатайство, суд указал, что в соответствии с законодательством о банкротстве учредители (участники) юридического лица (должника) не могут являться его конкурсными кредиторами по правоотношениям, связанным с таким участием, в связи с чем вправе претендовать лишь на часть имущества должника, оставшегося после расчетов с другими кредиторами. Данное имущество может быть утрачено в результате обращения на него взыскания по требованию кредиторов, поэтому бывший участник общества в целях недопущения такой утраты на основании п. 2 ст. 213 ГК РФ вправе без согласия должника исполнить обязательство последнего перед его кредитором².

Как видно, регулятивный потенциал прежней редакции ст. 313 ГК РФ позволял третьему лицу, имеющему соответствующий законный интерес, исполнить просроченное денежное обязательство должника по собственному побуждению. Для обеспечения возможности реализовать этот интерес вовсе необязательно было предусматривать в обновленной редакции данной статьи право на немотивированное исполнение третьим лицом. Возникшие же в результате ее принятия риски могут быть купированы ограничительным толкованием подп. 1

¹ Исполнение же в отсутствие законного интереса, с точки зрения разумно понимаемых целей обычного участника гражданского оборота, является аномалией, чаще всего возникающей из недобросовестных побуждений, и не должна поощряться правом порядком.

² См.: определение Арбитражного суда Иркутской области от 03.12.2013 г. по делу № А19-14657/2013. URL : // <http://kad.arbitr.ru>.

п. 2 ст. 313 ГК РФ, в результате которого право на указанное исполнение должно признаваться не за любым третьим лицом, а лишь за тем, кто имеет законный интерес в погашении чужой задолженности. Подобное толкование может быть воспринято судами лишь при наличии руководящих разъяснений Верховного Суда РФ, и отсутствие таковых в постановлении Пленума ВС РФ № 54 вызывает сожаление.

Анализируемая В. В. Андреевым **проблема возврата депонированного имущества** схожа с рассмотренным выше вопросом о немотивированном исполнении чужого денежного обязательства в том, что ее возникновение стало следствием лоббистских усилий, предпринятых уже после внесения в Государственную Думу РФ законопроекта о реформе ГК РФ.

Так, первоначальным законопроектом¹ не предполагались какие-либо изменения ст. 327 ГК РФ о депонировании имущества должником, однако после разделения проекта² в соответствующий отдельный законопроект, подготовленный ко II чтению³, закрались поправки, дополняющие ст. 327 ГК РФ пунктом 3 о праве должника во всякое время до получения кредитором денег или ценных бумаг из депозита потребовать возврата ему таких денег или ценных бумаг, а также дохода по ним.

В общедоступных источниках можно обнаружить упоминания конкретных финансовых групп, стоявших за данными теневыми поправками⁴. Возможно, мотивация к удовлетворению интересов подобных групп и стала причиной того, что авторы данного правила не по-

¹ О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² О порядке рассмотрения проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : постановление ГД ФС РФ от 16.11.2012 г. № 1150-6 ГД.

³ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» : проект федерального закона № 47538-6/9 (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко II чтению 12.02.2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Научный круглый стол «Проблемные вопросы исполнения обязательств в свете новой редакции ГК РФ и последней судебной практики» от 30.01.2017 г. Ч. 2. URL : https://www.youtube.com/watch?time_continue=3042&v=g0w1071h1Sk.

трудилась согласовать его с нормами, содержащимися в других законах (в частности, с нормами Основ законодательства Российской Федерации о нотариате) и просчитать последствия его влияния на стабильность гражданско-правовых отношений в данной сфере.

В результате суды начали сопротивляться свободному возврату должником депонированного имущества, поскольку такой возврат способен внести существенный дисбаланс в отношения должника и кредитора, что наиболее ярко проявляется в двух случаях: когда с внесением денежных средств в депозит нотариуса закон связывает переход к должнику имущества кредитора и когда исполняемое внесением долга в депозит обязательство обеспечено тем или иным способом.

Пример первого случая удачно описан в статье В. В. Андреева – ситуация выкупа ценных бумаг миноритарных акционеров публичного общества лицом, приобретшим более 95% акций данного общества, когда с внесением мажоритарным акционером денежных средств в депозит нотариуса связывается списание ценных бумаг с лицевых счетов миноритариев и зачисление этих бумаг на лицевой счет основного акционера (п. 8 ст. 84.8 федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). Свободный возврат мажоритарному акционеру депонированных для выкупа акций денежных средств может привести к безвозвратным потерям миноритариев, ведь к моменту возврата денег из депозита нотариуса выкупленные описанным способом акции могут быть отчуждены приобретателем в пользу другого лица. В этом случае востребование должником депонированного лишит миноритариев и денег, и ценных бумаг.

Что касается акцессорных обязательств, то их судьба в контексте возможности возврата должником внесенного в депозит имущества вызывает немало вопросов.

В соответствии с п. 2 ст. 327 ГК РФ и п. 55 постановления Пленума ВС РФ № 54 внесение в депозит признается исполнением обязательства. В результате обязательство прекращается (п. 1 ст. 408 ГК РФ); прекращаются и все обеспечивающие его обязательства (п. 4 ст. 329 ГК РФ).

Между тем п. 3 ст. 327 ГК РФ предусмотрено, что в случае возврата должнику исполненного по обязательству должник не считается исполнившим. По существу, речь идет о своего рода восстановлении («реанимации») обязательства.

В подобной ситуации возникает вопрос: восстанавливаются ли вместе с основным обязательством акцессорные обязательства?

С политико-правовой точки зрения, толковать закон в направлении восстановления обеспечения при возврате депонированного имущества – значит создавать риск дестабилизации гражданского оборота. Например, в случае с залогом освобожденная от обременения вещь может сменить собственника, и восстановление в отношении нее залога создало бы неоправданные ограничения для приобретателя вещи.

Не меньше рисков и в случае с обеспечением обязательства банковской гарантией. Если предположить, что она была выдана на несколько миллиардов рублей и через год или два в результате востребования должником депонированного имущества вдруг снова «воскресла», то для банка, рискующего отзывом лицензии в случае несоблюдения требований по ликвидности, такой сюрприз грозит стать фатальным.

Можно предвидеть и негативные последствия восстановления обеспечения при использовании поручительства. Достаточно представить, что поручителем по исполненному внесением долга в депозит обязательству выступал предприниматель, который после прекращения поручительства взял крупный кредит на развитие бизнеса, а затем неожиданно столкнулся с «реанимацией» обеспечения. Если в кредитном договоре присутствует допускаемое абз. 2 ст. 29 федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» условие о праве банка в одностороннем порядке увеличить процентную ставку по кредиту в случае повышения риска его невозвратности, то банк вполне может воспользоваться этим правом, ведь поручительство заемщика на крупную сумму безусловно повышает риск его неисправности.

Наконец, еще одним следствием права на возврат внесенного в депозит имущества являются возможные злоупотребления при исполнении солидарной обязанности одним из должников. Ведь никто не препятствует ему в случае не востребоваания исполнением кредитором реализовать регрессные требования к другим должникам (п. 2 ст. 325 ГК РФ) и наряду с этим забрать исполненное из депозита, причем с процентами, право на которые в силу п. 56 постановления Пленума ВС РФ № 54 признается за вернувшим депонированное имущество должником.

С учетом изложенного поиск судами возможности ограничить свободный возврат должником депонированного имущества понятен и оправдан. Для выбора оптимальных механизмов подобного ограничения полезно обратиться к опыту регулирования вопроса о возврате депонированного имущества в других государствах.

Во многих странах само по себе внесение долга в депозит не признается исполнением обязательства. Если кредитор не востребовал депонированное имущество или хотя бы не заявил о принятии исполнения, то для признания внесения в депозит исполнением обязательства требуется совершение некоего дополнительного акта, без которого депонирование для должника – это лишь возможность не нести перед кредитором ответственность за просрочку и право перенаправить кредитора в депозит за получением исполнения [6].

Так, согласно § 376 и § 378 Германского гражданского уложения при отсутствии волеизъявления со стороны кредитора внесение долга в депозит считается исполнением только в том случае, если должник прямо отказался от своего права на востребование депонированного имущества. В Испании для признания депонирования исполнением обязательства при отсутствии волеизъявления со стороны кредитора должнику после внесения в депозит необходимо обратиться в суд для получения подтверждения освобождения от обязательства (ст. 1180 ГК Испании). Схожее регулирование содержится ст. 1210 ГК Италии и ст. 1261 ГК Франции.

Общим для всех перечисленных стран является то, что без отдельно выраженного отказа от возврата депонированного имущества или без принятия по заявлению должника судебного акта о признании внесения в депозит надлежащим исполнением, такое внесение не признается исполнением обязательства и позволяет должнику забрать депонированное имущество обратно при условии, что до этого кредитор не востребовал данное имущество из депозита. Соответственно, если в результате дополнительного волевого акта должника внесение в депозит становится исполнением обязательства, то забрать имущество из депозита должник уже не может.

Отечественный законодатель не учел приведенный выше опыт, указав, что внесение долга в депозит само по себе признается исполнением обязательства.

В сложившейся ситуации Верховный суд мог бы расширительно истолковать п. п. 2 и 3 ст. 327 ГК РФ, разъяснив, что внесение денежной суммы или ценных бумаг в депозит нотариуса либо суда считается

исполнением обязательства, если оно сопровождается отказом должника от права на возврат депонированного имущества, выраженным при помещении имущества в депозит. В случае такого отказа должник не вправе потребовать возврата ему внесенных в депозит денег или ценных бумаг, а также дохода по ним.

Исключение можно сделать для случаев, когда кредитор не обратился за получением исполненного и по его требованию истек максимально возможный срок исковой давности. Такое правило содержится, например, в § 382 ГГУ, согласно которому должник, отказавшийся от возврата депонированного имущества, тем не менее, вправе вернуть его, если кредитор не востребовал имущество в течение 30 лет после помещения в депозит. У нас этот срок в силу п. 2 ст. 196 ГК РФ должен был бы составить 10 лет.

В отсутствие необходимых ориентиров в постановлении Пленума ВС РФ № 54 суды вынуждены самостоятельно изыскивать механизмы ограничения права на возврат должником внесенных в депозит денег или ценных бумаг, и предлагаемые в таких случаях решения не всегда являются удачными.

Описанный В. В. Андреевым подход судов к разрешению спора с участием акционерного общества «Русский дом» является примером такого решения. Оно вызывает целый ряд вопросов.

Во-первых, суды пришли к выводу о том, что возврат должником депонированного имущества в данном случае влечет не санкционированный законом односторонний отказ должника от исполнения обязательства перед кредитором. Это утверждение вступает в прямое противоречие с п. 3 ст. 327 ГК РФ, согласно которому в случае возврата должнику исполненного по обязательству должник не считается исполнившим обязательство. Иными словами, возврат депонированного имущества «реанимирует» обязательство, а не прекращает его.

Во-вторых, если придерживаться занятой судам и позиции о том, что п. 3 ст. 327 ГК РФ закрепляет право должника на возврат депонированного имущества, а ст. 88 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате – процедуру реализации этого права, то нетрудно обнаружить несоответствие этой позиции буквальному смыслу закрепленной в Основах нормы, которая в действительности определяет не процедуру, а условия реализации права на возврат. К ним она относит наличие письменного согласия кредитора или соглашения между должником и кредитором. Перечисленные условия ограничивают само субъективное право должника на востребование внесенных

им в депозит денег или ценных бумаг, ведь необходимым элементом субъективного права выступает правомочие на собственные действия. Говорить же о наличии у должника такого правомочия, когда оно может быть реализовано лишь с согласия кредитора либо по соглашению с ним, не приходится. Упомянутое же в ст. 88 Основ решение суда как альтернатива согласию кредитора или соглашению между должником и кредитором вызывает не меньше вопросов, поскольку в соответствующей норме не приводятся критерии, которыми должен руководствоваться суд при рассмотрении иска должника о возврате внесенного в депозит.

В-третьих, если толковать ст. 88 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате в соответствии с ее буквальным смыслом, то, как верно отметил В. В. Андреев, она вступает в противоречие с п. 3 ст. 327 ГК РФ о праве должника вернуть внесенное в депозит имущество «во всякое время» до поступления нотариусу заявления кредитора о получении этого имущества (абз. 2 п. 55 постановления Пленума ВС РФ № 54). В силу п. 3 ст. 2 федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» такое противоречие должно разрешаться в пользу нормы, содержащейся в ГК РФ.

Таким образом, отсутствие в постановлении Пленума ВС РФ № 54 разъяснений, устанавливающих типичные для развитых правовых порядков ограничения при реализации должником права на возврат внесенных в депозит денег или ценных бумаг, привело к появлению неоднозначных позиций судов и породило неопределенность в вопросе о критериях, которыми должен руководствоваться правоприменитель, рассматривая соответствующий спор.

Вопрос о возможности применения валютных оговорок при расчете денежной суммы, уплаченной по договору и подлежащей возврату при его расторжении, в условиях волатильности курса рубля приобретает особую актуальность. Приводимая А. С. Косыгиним судебная практика демонстрирует отсутствие единства подходов в решении данного вопроса, в связи с чем автор предлагает определиться с выбором применимого для таких ситуаций принципа: «сколько получил в рублях, столько верни» либо «сколько получил в валюте, столько верни». При этом А. С. Косыгин не отдает предпо-

чение какому-либо из них, акцентируя внимание лишь на необходимости стабилизации практики в направлении выбора любого из этих принципов.

В отношении данной позиции может быть высказано возражение из области политики права. Едва ли стоит содействовать такому развитию событий, при котором кто-либо, рассчитываясь по обязательству на территории России в российских же рублях, оказывается в выигрыше за счет привязки возвратного требования к курсу иностранной валюты. Предоплата или аванс – это не мультивалютный вклад в банке, а результат согласованного сторонами порядка расчетов, и на этом порядке вряд ли стоит зарабатывать. По большому счету, избрание сторонами валюты долга, отличной от валюты платежа, есть не более, чем формула цены, и возлагать риски колебания валют на кого бы то ни было здесь несправедливо. В связи с этим предпочтение, вероятнее всего, должно быть отдано принципу «сколько получил в рублях, столько верни».

Нужно учитывать, однако, что для некоторых участников гражданского оборота привязка расчетов к курсу валют является не формулой цены, а моделью ведения бизнеса. В проблематике круглого стола приведен пример подобной ситуации.

Так, в силу ориентации на тот или иной зарубежный рынок, плательщик может размещать все свободные денежные средства в определенных валютных вкладах. Когда же возникает необходимость расчетов с российскими резидентами он снимет деньги со своих вкладов, переводит их в рубли и перечисляет российским контрагентам. В момент заключения договора с контрагентом плательщик знает, что способен полностью расплатиться деньгами, аккумулированными в валютных вкладах, но если, например, курс валюты упадет, то расчет будет проблематичен. Поэтому он предлагает привязать валюту долга к валюте своего вклада и тем самым страхуется от собственной неисправности в обязательстве в случае резкого падения курса валюты вклада. В таких условиях падение курса валюты к моменту возврата плательщику предоплаты приведет к получению им меньшего, чем им было изначально уплачено, и, как следствие, к уменьшению его платежеспособности в отношениях с резидентами иных государств, на сотрудничество с которыми ориентирован весь бизнес плательщика.

Другой пример касается практики современных российских девелоперов при возведении торгово-развлекательных центров. Некоторые

из таких девелоперов строят свой бизнес не на эксплуатации возведенного объекта, а на том, чтобы построить здание, заполнить его арендаторами и продать заранее определенному лицу. Покупателями таких объектов (особенно в крупных городах) нередко выступают иностранные инвесторы, в том числе банки. Цена объекта здесь определяется по формуле: совокупный размер арендных платежей, рассчитанный по курсу определенной валюты, умноженный на некий коэффициент. Заранее зная о том, что в расчетах с будущим покупателем будет применяться именно такая формула, девелопер привязывает арендную плату к курсу соответствующей валюты. И потому для него принципиально важно, чтобы в случае возврата арендатору суммы внесенной арендной платы определение объема возвратного требования осуществлялось с учетом валютного курса на дату возврата¹.

Справедливо ли в подобных случаях при отсутствии в соглашении сторон договоренности об ином применять принцип «сколько получил в рублях, столько верни»?

Ответ на данный вопрос должен быть положительным, так как применение указанного принципа не лишает заинтересованное лицо возможности компенсировать свои потери от колебания курса путем заявления требования о возмещении убытков. Если курс валюты для данного лица так принципиален, то он волен доказывать, что в результате возврата предоплаты или аванса понес потери, и претендовать на их компенсацию при условии, что необходимость возврата предоплаты обусловлена действиями контрагента.

Таким образом, во избежание несправедливого результата лучше не прибегать к перенесению валютной оговорки на возвратное требование. Разумнее руководствоваться общим принципом «сколько получил в рублях, столько верни». Возникающие в связи с этим потери, вызванные действиями контрагента, могут быть компенсированы через институт убытков.

Самоустранение же Верховного Суда РФ от поиска сбалансированного решения анализируемой проблемы под предлогом «относительной дискуссионности и отсутствия достаточной судебной практики»² привело к снижению уровня правовой определенности в во-

¹ Научный круглый стол «Проблемные вопросы исполнения обязательств в свете новой редакции ГК РФ и последней судебной практики» от 30.01.2017 г. Ч. 2.

² Заседание Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 г. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=nlxzGrGwBb8>.

просе о возврате суммы предоплаты (аванса), номинированной в валюте. Подобные факторы должны служить сигналом к тому, чтобы оставить излишнюю осторожность и дать разъяснения на основе взвешенного политико-правового подхода к возникшей ситуации.

Знакомство с работами авторов данного сборника свидетельствует о том, что содержащиеся в постановлении Пленума ВС РФ № 54 разъяснения заслуживают глубокого научного анализа и осмысления. Причастные к подготовке сборника юристы попытались внести скромный вклад в понимание некоторых идей, лежащих в основании постановления. Хочется надеяться, что представленные здесь статьи побудят читателя к самостоятельным размышлениям о фундаментальных проблемах обязательственного права.

Список использованной литературы

1. Бухарин Д. А. Третье лицо выплатило долг кредитору, чтобы контролировать банкротство должника. Три позиции Верховного суда / Д. А. Бухарин // Арбитражная практика. — 2017. — № 9. — URL : <https://e.arbitr-praktika.ru/default.aspx?mid=26589>.

2. Карапетов А. Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве / А. Г. Карапетов. — М. : Статут. — 2007. — С. 241–248.

3. Маковский А. Л. Общие правила об обязательствах в Гражданском кодексе / А. Л. Маковский // Вестник ВАС РФ. — 1995. — № 9. — С. 96–110.

4. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства / С. В. Сарбаш. — М. : Статут. — 2005. — 136 с.

5. Сарбаш С. В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» / С. В. Сарбаш, А. Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия РФ. — 2017. — № 3. — С. 87–183.

6. Сулейманов Р. Право должника на возврат депонированного имущества: компаративная справка / Р. Сулейманов [Электронный ресурс]. — URL : http://m-logos.ru/img/Spravka_Suleimanov_Krugli_stol_M-Logos_30012017.pdf.

Информация об авторе

Райников Артём Сергеевич – адвокат, магистр частного права, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса; Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: raynikov@gmail.com.

Information about the author

Raynikov Artem Sergeevich – Advocate, Master of Private Law, PhD in Law, Associate Professor of Civil Law and Procedure Department; Baikal State University, Lenin street, 11, Irkutsk, 664003, e-mail: raynikov@gmail.com.